

Хэ Янься, вспомнив выражение отчаяния на лице Му Цзышань в момент их расставания, почувствовала неладное. На душе было беспокойно, и она, не в силах совладать с собой, вернулась к дворику, где оставила Му Цзышань. Едва переступив порог, она похолодела: Му Цзышань приставила к собственной шее висевший на стене длинный меч. Оружие было невероятно острым — стоило лишь слегка коснуться кожи, как на ней проступила кровавая полоса. В панике Хэ Янься сорвала с пояса нефритовую подвеску и метнула её в меч. Раздался звонкий удар, мощная сила отшвырнула клинок прочь из рук Му Цзышань, а сама подвеска, приняв на себя основной удар, раскололась надвое и упала на землю.

Меч вылетел из рук, и Му Цзышань лишь спустя долгое время обернулась, увидев стоявшую в дверях разъяренную Хэ Янься. Не обращая внимания на разбитый драгоценный нефрит, та ворвалась в комнату, подхватила меч и, сжимая его в руках, вперила в Му Цзышань яростный взгляд.

— Хорошо еще, что я не поверила тебе до конца. Тебе действительно нельзя доверять... — Хэ Янься говорила с такой злостью, словно была готова растерзать её на месте. Му Цзышань не понимала, о каком именно «хорошо» та ведет речь, но тут же услышала гневный выпад: — Разве у вас, праведников, нет своих моральных принципов и правил? Разве вы не обязаны исполнять то, что пообещали?

Му Цзышань ответила с пугающим спокойствием:

— Ты сама говорила, что не будешь принуждать меня к тому, что противоречит моим убеждениям. Разве ты не понимаешь, что, отказавшись убить тебя и став твоей служанкой, я и так уже предала свои идеалы?

— Ты... — Хэ Янься была вне себя от ярости. Она сжала кулаки так, что побелели костяшки, и прошипела сквозь зубы: — Никогда бы не подумала... что ты посмеешь меня обмануть.

— Всю мою семью из шести человек убил Дворец Цюньин. Если бы не милость моего наставника, который забрал меня в секту Тяньюй, я бы давным-давно сгинула на улице от голода... Если бы ваш Дворец Цюньин не творил зло и не убивал невинных, разве мои родители, младшие брат и сестра, бабушка и дедушка погибли бы такой страшной смертью? У меня с тобой кровная вражда, как ты могла подумать, что я стану твоей служанкой?!

К концу речи голос Му Цзышань дрожал от гнева. Воспоминания о прошлом бередили душу, и в её глазах, устремленных на Хэ Янься, читалась лишь жгучая ненависть. Хэ Янься, до этого момента кипевшая от злости, внезапно остыла. Она знала, что у Му Цзышань нет ни отца, ни матери, что её с детства воспитывал глава секты Тяньюй Инь Минфэн. Она думала, что желание убить её — лишь исполнение приказа учителя, подкрепленное многолетним внушением. Но она не знала об этой страшной странице её жизни, о том, что её семья погибла от рук людей Дворца Цюньин... Неудивительно, что та так её ненавидит, особенно после всего, что она сама с ней сделала.

Хэ Янься не знала, что ответить. Импульсивный гнев утих, но внутри все еще klokотало непонятное раздражение.

— Кто убил твоих родителей — к тому и иди, зачем перекладывать этот долг на мою голову? Сколько мне было лет, когда их убили? Какое отношение твоя кровная месть имеет ко мне? — голос Хэ Янься оставался резким, но пыл заметно поутих. Её доводы были логичны, и Му Цзышань, застигнутая врасплох, лишь беспомощно смотрела на неё, не зная, что возразить. Гнев душил её, но выхода не было. Помолчав, она наконец ответила:

— Даже если моя семья не имеет к тебе отношения, разве мало зла ты совершила сама? Твоих грехов не искупить и тысячей смертей!

— Если я кому-то задолжала, пусть придет и заберет свое. Я, Хэ Янься, не боюсь тех, кто жаждет мести. Сколько бы зла я ни совершила при жизни, я не страшусь даже Ада Вырывания Языков после смерти. Как я живу в этом мире — мое личное дело, с какой стати посторонним вмешиваться?

Пусть это были эгоистичные и нелепые оправдания, но в устах Хэ Янься они звучали так уверенно, словно она провозглашала истину. Му Цзышань от бессилия лишь дрожала.

— А ты... не думай, что сможешь так легко умереть. Разве ты не привязана к своей младшей ученице? Неужели ты думаешь, что, отпуская её, я не оставила козырь в рукаве?

Упоминание о младшей сестре мгновенно изменило лицо Му Цзышань: только что покрасневшее от гнева, оно стало мертвенно-бледным.

— Что ты имеешь в виду? — в голосе Му Цзышань проскользнул страх. Хэ Янься не ответила, лишь с интересом наблюдая за её реакцией. Спустя долгое время она достала из потайного кармашка маленькую шкатулку.

Шкатулка из белого нефрита была украшена причудливыми золотыми узорами. Хэ Янься открыла её: внутри, свернувшись в клубок, лежал маленький черный змей размером с дождевого червя. Время от времени он высовывал алый раздвоенный язык, и от этого зрелища бросало в дрожь.

— Эта тварь называется Гу Змеи-Призрака. При создании их выращивают парой — самца и самку. Они живут и умирают вместе: даже если их разделяют тысячи миль, стоит одному погибнуть, как другой не проживет и нескольких дней...

Хэ Янься смотрела на Му Цзышань, держа шкатулку в руках. В голове у той словно что-то оборвалось, лицо исказилось от ужаса, она не могла вымолвить ни слова.

— Когда эта штука умирает, она выпускает весь свой яд. Не смотри, что она мала, это самый страшный яд в мире. Достаточно капли, чтобы убить сотню человек, — Хэ Янься улыбнулась жестокой улыбкой, выдерживая паузу, чтобы насладиться выражением лица Му Цзышань. Та была словно парализована. — У меня в руках самец, а самка — в животе твоей младшей ученицы. Как только мой змей умрет... боюсь, твоей сестре останется жить недолго.

Му Цзышань разжала кулаки и бессильно опустила голову. В конце концов, её снова прижали к ногтю, лишив всякой надежды на сопротивление. Она чувствовала себя насекомым, запутавшимся в паутине, — как ни бейся, не вырваться.

— Впредь будь послушной и не зли меня... Иначе я не буду столь добра к твоей сестренке.

Холодный голос Хэ Янься прозвучал совсем рядом, после чего она вышла из домика, плотно прикрыв за собой дверь. Меч она бросила на пол, словно была уверена, что теперь, имея такой рычаг давления, Му Цзышань больше не попытается свести счеты с жизнью. Так оно и вышло: Му Цзышань смотрела на лежащий на земле клинок, то сжимая, то разжимая кулаки, пока наконец руки безвольно не повисли вдоль тела.

Она так и не подняла меч. Последний лучик света в её глазах медленно угас.

В домике за Дворцом Цюньин, прислонившемся к склону горы, зажглись огни. Снаружи он казался самым обычным, но внутри поражал роскошью. Это было жилище матушки Ма. Она обожала золото, и комната была заставлена золотой утварью. Хэ Янься не раз подшучивала над её дурным вкусом, называя такое убранство верхом пошлости, на что матушка Ма лишь добродушно смеялась: «Госпожа дворца, если вам не нравится золото, отдайте его мне».

Хэ Янься редко заходила сюда, жалуясь, что золотой блеск режет глаза. Но сегодня, неведомо какими ветрами, её занесло сюда, чем она немало удивила хозяйку. Хэ Янься велела подогреть вина, принести закуску и устроилась на кушетке с таким видом, будто находилась у себя дома.

Матушка Ма знала Хэ Янься более десяти лет и понимала её привычки лучше, чем кто-либо другой. Увидев, как та явилась сюда выпивать, она сразу поняла: на душе у госпожи беспокойно. Матушка Ма помнила её еще ребенком, когда та называла её «тетя Ма». Даже тогда, еще не став главой дворца, она вела себя дерзко, не выказывая должного уважения к старшим. Когда ей было плохо, она прибегала к ней, требуя приготовить закуски, отдавая приказы, будто служанке. Но матушка Ма, чья былая вспыльчивость со временем уступила место терпению, не могла бросить эту девочку на произвол судьбы. Возможно, дело было в том, что в её характере она видела отголоски своей собственной юности, словно проживая жизнь заново.

Тогда, будучи рядовой ученицей, матушка Ма прославилась лишь кулинарным мастерством, и именно на запах её стряпни когда-то прибежала Хэ Янься. С тех пор так и повелось: приходя сюда в плохом настроении, Хэ Янься молчала, требуя еды, а её тон заставлял матушку Ма стискивать зубы от досады, хотя в глубине души она лишь улыбалась.

— Госпожа дворца, вы давно не навещали старую слугу... — промолвила матушка Ма с оттенком ностальгии.

Хэ Янься не ответила, продолжая молча пить и есть. Вскоре она отослала слуг и предложила матушке Ма составить ей компанию.

— Что-то случилось? — матушка Ма пригубила вино, пытливо глядя на госпожу. Та продолжала молчать, и матушка Ма начала говорить сама: — В юности я всегда поступала наперекор всему, жила по велению сердца, стремясь держать всё под контролем... А потом я встретила человека, и мой мир перевернулся. Я никогда не знала такого интереса, такого гнева, никогда не совершала столько ошибок, о которых жалела позже... Чем больше я путалась, тем крайнее становились мои мысли, и в итоге я натворила столько бед, что некоторые вещи уже невозможно было исправить.

Хэ Янься сидела, опустив голову, и молча слушала.

— Иногда мы не замечаем перемен, пока не становится слишком поздно, — закончила матушка Ма, вытирая непрошеную слезинку.

Прошло много времени, прежде чем Хэ Янься заговорила — скорее сама с собой, с детской обидой и нежеланием признавать поражение:

— Я просто не понимаю, почему я могу удержать этого человека, только используя какую-то девчонку... Что в этой девчонке такого, чего нет во мне?

Матушка Ма вдруг рассмеялась, глядя на Хэ Янься как на трехлетнего ребенка. Это вывело ту из себя.

— Госпожа, вы просто ревнуете, — сказала матушка Ма, и её старческий голос слегка дрогнул.

— С чего бы мне ревновать девчонку, у которой ничего нет? Ни боевых искусств, ни статуса, ни ума, ни красоты — в чем она меня превосходит? — Хэ Янься говорила с прежним напором, но в ушах матушки Ма это звучало как признание собственной неуверенности, что делало госпожу еще более милой в её глазах.

— Просто в сердце этого человека полно места только для её младшей сестры... — матушка Ма решила подлить масла в огонь, и лицо Хэ Янься мгновенно потемнело.

— Какое мне дело до того, кто у неё на сердце? Матушка Ма, вы несете чепуху! — Хэ Янься с такой силой поставила чарку на стол, что закуски подпрыгнули. Матушка Ма лишь довольно усмехнулась.

— Раз от вас одни глупости, я пойду, — бросила Хэ Янься, соскочила с кушетки и вышла. Матушка Ма, не унимаясь, проводила её до порога, предостерегая, чтобы та была осторожна на скользкой ночной тропе, отчего раздражение Хэ Янься лишь усилилось.

Сама того не заметив, она дошла до дворика Му Цзышань. Ночь была холодной, луна ярко

светила в вышине.

Вдалеке она увидела одинокую фигуру. Му Цзышань стояла неподвижно, легкий ветерок шевелил её волосы и полы одежды. Наконец она подняла лежавший на каменном столе меч. Хэ Янься невольно потянулась к поясу, но, вспомнив, что нефрит разбит, замерла. Впрочем, Му Цзышань не собиралась причинять себе вред — она начала танцевать с мечом под луной.

На ней было простое синее платье, которое при каждом движении развевалось на ветру, подчеркивая стройную фигуру. В лунном свете её лицо казалось прекрасным, как осенняя луна, а грациозные движения напоминали полет ласточки или танец дракона. Хэ Янься застыла, не в силах оторвать взгляд.

Казалось, этот образ — свободный, гордый, полный достоинства — подходил ей куда больше, чем образ поверженной пленницы. Хэ Янься чувствовала, как захватывает дух, как пространство вокруг исчезает, оставляя лишь этот силуэт. Но эта одинокая фигура была полна тоски — и тоска эта принадлежала не ей.

Вспомнились слова матушки Ма: «Вы просто ревнуете».

Хэ Янься стояла в тени, наблюдая, как тень Му Цзышань скользит по земле. Ей нестерпимо хотелось подойти, разгладить морщинку на её лбу, укутать её в теплую меховую накидку, согреть её холодные руки, заключить в объятия... И чтобы человек, о котором она так тоскует, был не её младшей сестрой, а она сама.

Это чувство было настолько сильным, что Хэ Янься пришлось признать: пусть девчонка ни в чем не лучше неё, она все равно ревнует. Ревнует до безумия к тому, что та занимает место в её сердце.

Человек был так близко, но одновременно так бесконечно далеко. Это рождало отчаяние. Она хотела обладать ею — не как служанкой, не как игрушкой для забавы, а по-настоящему. Хотела войти в её жизнь, стать её частью, увидеть нежную улыбку, предназначенную только ей. Хотела владеть всем — телом, мыслями, душой, оставляя на ней свои метки.

Что-то пустило корни в её душе, и теперь, когда она осознала это, было уже слишком поздно что-либо менять. Впервые в жизни Хэ Янься по-настоящему чего-то хотела.

Когда слуги доложили о срочном донесении из Яньчжоу, Хэ Янься беззаботно лежала на кушетке в домике матушки Ма, а сама хозяйка, словно обычная кухарка, была занята на кухне.

Гонец выглядел изможденным, его лицо было землисто-желтым, но он не смел отдыхать, пока не передал письмо лично в руки госпожи. Хэ Янься вскрыла конверт. Матушка Ма, закончив

готовить, вошла с блюдом и, заметив помрачневшее лицо госпожи, забеспокоилась.

— Что там? — спросила матушка Ма, ставя закуску на столик.

— Они подкупили чиновников, но влияние клана Чу слишком велико... Боюсь, семью господина Ланя уже... — Хэ Янься сжала письмо так, что костяшки пальцев побелели. В её глазах полыхал такой гнев, какого матушка Ма еще не видела.

Она не понимала, почему Хэ Янься так печется о господине Лане — преступнике из государства Дацзинь, которому Дворец Цюньин помогает тайно, не раскрывая своего участия.

— Что вы намерены делать? — не стала спрашивать матушка Ма о мотивах, лишь поинтересовалась планами.

— Я поеду в Яньчжоу сама, — отрезала Хэ Янься. Матушка Ма была поражена: Хэ Янься родом из Яньчжоу, но никогда не возвращалась туда, словно там было что-то, о чем она не хотела вспоминать. И ради человека, с которым, казалось бы, её ничего не связывало, она была готова туда поехать?

— В таком случае, я поеду с вами. Мне все равно нечего делать, — сказала матушка Ма, движимая как желанием помочь, так и любопытством. Она не собиралась упускать шанс узнать тайну госпожи.

<http://bllate.org/book/20982/2130320>